

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог.....	5
Глава 1	21
Глава 2	36
Глава 3	49
Глава 4	63
Глава 5	77
Глава 6	91
Глава 7	105
Глава 8	118
Глава 9	131
Глава 10.....	146
Глава 11.....	160
Глава 12.....	173
Глава 13.....	198
Глава 14.....	218
Глава 15.....	237
Глава 16.....	250
Глава 17.....	264
Глава 18.....	278
Глава 19.....	292
Глава 20.....	305
Глава 21.....	318
Послесловие.....	338

Пролог

*Велиград, стольный град князя Годолуба,
воздя бодричей. Лето 808 года
от Рождества Христова*

— Этот рог я поднимаю за верховного князя Дражко, победителя нордальбингов на поле Свентана! За сына, воздавшего врагу за отца!

Крепок дядька Боян, ох, крепок! Вроде как давно уже позади остались дни его расцвета — опытного дружинника, закаленного в боях с саксами... А иного другого князь Вышан и не приставил бы «дядькой» (телохранителем и воинским наставником) к среднему сыну Годолубу! И когда Боян рубился на поле Свентана, первая седина уже посеребрила волосы верного ближника... Но то было целых десять весен тому назад — однако же седой как лунь и тучный, раздавшийся вширь дружинник только что залпом осушил турий рог, полный хмельного меда!

И ведь остался крепко стоять на ногах, ни-сколько не покачнувшись!

Годолоб не мог похвастаться такой выдержкой даже сейчас, вступив в пору самого расцвета мужской силы. Но за старшего брата Дражко, разгромившего саксов и отомстившего за отца, он безропотно осушил княжий рог, инкрустированный серебром... Сладок и коварен хмельной мед: по жилам словно бы живой огонь пробегает — и тотчас отдает в голову! Да так, что становится она странно пустой от всех важных дум и тревог; еще бы ноги не переставали слушаться... Князю бодричей пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы удержать тело в узде — и неспешно опуститься на резной трон, сохраняя равновесие! После чего Годолоб, словно бы скованный незримыми цепями, принялся поспешно рвать зубами жесткое мясо добытой на охоте дичи, испеченной на вертеле... Между прочим, подсолненное и поперченное для вкуса, натертое луком и чесноком, душистыми травами! Такую трапезу может позволить себе лишь князь — соль и перец в землях ободритов стоят немалую цену.

Наскоро набив живот мясом, князь чуть пришел в себя — ударивший в голову хмель стал понемногу отпускать. Впрочем, важные думы и неясные волнения, терзающие сердце с самого рождения сына, так и не вернулись. Вот в чем радость и польза пиров, когда князь может разделить свои радости с верными дружинниками, позабыв о печалях! Хотя бы на время позабыв... Но между тем на смену заботам пришли воспоминания, навеянные здравицей Бояна.

...Годолюбу едва-едва исполнилось десять весен, когда войско ободритов, собранное старшим братом Дражко, явилось в земли саксов-нордальбингов. Самых северных и непокорных саксов, чьи земли граничили с владениями данов... Ободриты явились мстить за верховного князя Вышана, павшего тремя годами ранее — тогда нордальбинги внезапно ударили по войску славян, переправляющемуся через Лабу. И буквально задавили числом тех, кто уже успел ступить на вражий берег, включая отца...

Впрочем, Боян как-то подзабыл, что помимо ободритов на поле Свентана явились также союзники-франки. И пусть войско славян, насчитывающее около четырех тысяч пеших дружинников и ополченцев, было в восемь раз больше конного отряда графа Эбуриса... Но сборная рать взбунтовавшихся саксов, перебивших франкские гарнизоны, не особо-то и уступала войску славян!

Конечно, после затяжной франко-саксонской войны у нордальбингов уцелело мало опытных дружинников, способных не только встать в общую «стену щитов» или оцетиниться частоколом копий смертоносного «ежа» — но и атаковать, и отступать, сохраняя при этом строй! Но саксы и не собирались двигаться с места. Заняв позицию на холме, как при Зунта-ле, их фирдманы-ополченцы замерли, сложив щиты в единую стену и оцетинившись копиями. Лишь застрельщики — опытные охотники-

лучники и самые умелые метатели сулиц — замерли впереди строя пешцев, что ромеи также именуют фалангой...

Атаковать конницей монолитный строй «ежа» вверх по склону — настоящие безумие. При Зунтале саксы, построившись схожим образом, наголову разбили две тысячи франкских всадников, самоуверенно бросившихся в атаку! Как, впрочем, в схожих обстоятельствах сами франки разгромили арабов при Пуатье под началом Карла Молота... Но и проливать кровь одних лишь бодричей Дражко не собирался, как бы ни велика была обещанная союзником награда! Выступив в поход, король Карл ограничился разорением низовых земель саксов, направив в помощь ободритам лишь пятую (а то и десятую!) часть одной только конницы франков.

А со стороны славян слишком много закаленных и опытных дружинников пали вместе с Вышаном — и терять оставшихся гридей в будущей рубке верховный князь счел безумным расточительством. Так никакие «награды» не удержать...

Ведь дружинники зачастую сражаются впереди ополченцев — скрепляя их и принимая на себя самый страшный удар врага. Кроме того, следуя впереди, опытные ратники задают шаг, помогая удержать общий строй — и подают простым воям пример воинской выучки и мужества!

Но в случае атаки на холм, именно дружинники должны были первыми осилить подъем и начать теснить саксов с удобной позиции, заменивая свои жизни на гибель пусть даже двух-трех фирдманов... А пусти вперед собственных ополченцев — так ведь те сломают строй еще на подъеме! Настоящее чудо, если в подобных условиях ополченцы смогут доползти до подножия холма, не сломав стены щитов...

Впрочем, в тот памятный день это «чудо» все-таки случилось. Огромная масса славянских воев (особенно «огромная» в понимании десятилетнего юнца, впервые наблюдавшего за сечей), ползущая к холму со скоростью слабосильной улитки, сумела сохранить строй! Но, увы, на подъеме стена щитов ополченцев ожидаемо расстроилась... И стрелы, дротики саксов собрали среди ободритов богатую дань крови прежде, чем вражеские застрельщики разошлись в стороны.

В итоге удара «кулаком» ожидаемо не случилось — вышел слабосильный «тычок пальцами». И атака сломавших строй славян была похожа на накат морской волны, бессильно разбившейся о прибрежные скалы саксонского «ежа»...

Но Дращко и Эбурис предвидели такой исход, тщательно обсудив битву — и заранее продумав как свои действия, так и действия врага. А потому ополчение славян имело перед собой цель вовсе не разбить противника в упорной, кровопролитной рубке! Нет, вои

должны были лишь отвлечь своего давнего врага, закрыть саксам обзор... И пока нордальбинги успешно сдерживали натиск ободритов на накопниках сотен копий, оставшаяся часть союзного войска успела перестроиться.

А потом зазвучал требовательный сигнал княжеского рога — и меньшая часть славянского ополчения, сражавшегося на левом крыле, подалась назад. Задние ряды еще более-менее дружно, выполняя заранее обговоренный приказ — но вои первых рядов, теснимые саксами, просто побежали, лишившись опоры соратников...

Это было самое настоящее бегство — и фирдманы нордальбингов увлеченно бросились преследовать славян, не слыша и не слушая приказов своих вождей! Да и чего еще было ждать от поверивших в победу ополченцев? Это же не многоопытные и верные своему князю дружинники... Саксы успели пустить в ход широкие, однолезвийные ножи длиной в целый локоть — а у кого и с добрый меч! И, увы, лангсаксы и скрамасаксы нордальбингов успели густо обогреться кровью ободритов...

Но стоило врагу добраться до подножия холма, как вновь протрубил княжий рог — и бегущих фирдманов, давно сломавших щитовой строй, вдруг накрыл смертоносный град славянских сулиц! А сверху, на ничем не покрытые голы саксов обрушился густой ливень стрел... Дражко загодя собрал застрельщиков в кулак, сосредоточив их на левом крыле.

Правда, они смогли дать всего один залп по сигналу князя. Да и то — пущенные навесом стрелы заметно теряют убойную силу уже за сорок шагов! Ведь славяне вооружены не ромейскими составными луками, а однодревковым оружием простых охотников...

Но даже так стрелы и сулицы ободритов проредили разогнавшихся было саксов, охладили их пыл. А следом в потерявшую всякий строй и запал толпу фирдманов врезался клин пешей дружины Дращко! Клин, ранее невидимый нордальбингами, страстно увлеченными погоней...

И это были не только ратники верховного князя. Вождь каждого из племен ободритов собрал в поход и родовое ополчение, и отборных личников! Но именно дружинники Дращко встали на острие клина — помимо обязательного для каждого гридя шлема, изготовленного с оглядкой на творения франков (а ведь те потеряют броню, держа в памяти римских легионеров), его воины также защищены дорогостоящими кольчугами. А помимо обязательной секиры и копья личники князя вооружены скрамасаксами — или даже мечами...

Так вот, клин пешей дружины ободритов яростно врубился в ряды саксов — ведь гриди остро жаждали мщения за соратников, павших вместе с Вышаном! И если плотный строй фирдманов стал бы серьезным препятствием даже для дружины — то в расстроенной толпе

саксов, частично обратившихся в бегство, вскоре образовалась широкая брешь.

И в нее тотчас устремились конные воины франков!

Годолоб тогда впервые наблюдал за тем, как действует в сече тяжелая конница короля Карла — и был очень впечатлен той скоростью, с которой франки прорвались в тыл нордальбингов, устроив последним кровавую бойню... Казалось, от падающих сверху копий негде укрыться! Зажав их обратным хватом (словно рыбаки острогу), франки без усталы кололи сверху вниз. А благодаря особому перекрестью у основания наконечника (этаким «крылышкам»), франкское копьё не застревает в теле убитого, с какой бы силой не ударить!

Иные же всадники, потеряв копьё, достали мечи — длинные клинки-спаты, некогда заимствованные у римлян, имелись отнюдь не у всех воинов. Но те, кто вооружился мечами, пустили их в ход, с жаром рубя бездоспешных саксов...

Франкские всадники бронированы не хуже отборных славянских дружинников — а некоторые облачены в диковинные «чешуйчатые» панцири. И вновь наследие Рима — ведь именно римская конница была защищена лорикой скваматой! Хотя сами римляне подсмотрели ее у древних скифов... Но в тот день маленький Годолоб не знал ни того, ни другого.

Он лишь зачарованно следил за тем, как франки истребляют фирдманов...

Вообще-то саксы могли противостоять натиску всадников. Если бы самые молодые и неподготовленные ополченцы (благоразумно спрятанные в задних рядах), сумели бы вовремя развернуться да сцепить щиты, ошестинившись копьями... Но в том-то все и дело, что самые молодые и неопытные ничего подобного сделать не догадались — а личное мужество отдельных храбрецов не сумело переломить ход боя. Неожиданный прорыв на правом крыле саксов и всадники в их тылу, умело истребляющие молодежь... Этого оказалось достаточно, чтобы окруженные с двух сторон фирдманы забыли о воинской чести — и бросились бежать!

Истребляемые в спину как франками, так и ободритами...

В тот славный день отмщения саксы потеряли три четверти своего войска. Да, кое-где нордальбинги еще продолжали сопротивление — но в целом они уже ничего не могли противопоставить союзу Дращко и короля Карла (принявшего титул императора спустя восемь лет).

И да, Карл Великий сдержал слово, а его награда оказалась воистину достойна будущего титула! Ведь франки ограничили торговлю своих купцов — и выселили саксов из Нордальбингии, отдав эти земли славянам. Вековая вражда, уходящая корнями в дремучую древность, завершилась решительной победой ободритов!

За такую победу не зазорно осушить и полный кубок хмельного меда...

Но стоило Годолюбу чуть прийти в себя, сбросив хмельное наваждение, для очередной здравицы поднялся Добран — могучий воин из племени ильменских словен, вожак личной дружины новорожденного сына. Вот так вот — сын Рюрик только родился, а у него уже есть собственная дружина! Да еще какая... Каждый из трех с лишним десятков гридей, прибывших в сопровождении невесты Умилы, был облачен в кольчугу и необычной формы конический шлем. Но наибольший восторг вызвали топоры словен из особого «харалужного» сплава, обладающие каким-то светлым, практически белым отливом! Добран как-то проговорился, что ильменские кузнецы куют их с добавлением «небесных» металлов, а закаляют оружие в самую редкую, свирепую стужу.

И тесть Гостомысл в качестве одного из свадебных даров прислал Годолюбу точно такую же секиру...

— Я поднимаю этот рог за молодого Сокола, за сына нашего князя! Гойда!

— За Рюрика!!!

Все собравшиеся в просторной княжеской гриднице мужи поднялись с широких лавок, почитая необходимым поддержать здравицу чужака. Последний же лихо запрокинул голову, прижав к губам рог — и не отрывался от него, не осушив кубок целиком! И лишь после словен

хмельно поморщился, едва-едва качнувшись на носках; при этом продолговатый шрам, оставленный на лице Добрана свейской секирой, сжался каким-то уж совсем причудливым образом...

Да, swei в последние годы крепко взялись за ильменских словен. По первости они опустошали побережье частыми набегами небольших ватаг на двух-трех драккарах. Вождь ильменских словен Буривой еще как-то пытался отражать мелкие набеги, иногда даже настигал sweeв и отбивал полон... Но в этих схватках он раз за разом терял лучших своих дружинников.

А затем swei вторглись в землю словен с большим войском — и разбили поредевшую дружину Буривой да наспех собранное им ополчение на реке Кюмени. После чего захватили столичный град словен Ладогу, переименовав в Альдейгьюборг...

И ведь это было только начало.

Сделав Альдейгьюборг опорной твердыней для новых набегов, swei стали проникать далеко на юг и восток, грабя многочисленные поселения восточных славян — ведь их возводят вдоль рек, где земля плодороднее. И последнее обстоятельство оказалось весьма удобно для морских разбойников, следующих по рекам на драккарах и захваченных ладьях! Нападая внезапно, зачастую превосходя защитников числом, swei истребляли мужчин в схватках — и едва не поголовно бесчестили, а после обращали в рабство женщин... А заодно и их детей.

Причем после каждого успешного похода разбойники приносили в дар воинственным богам множество рабов, истребляя порой под сотню жертв разом!

Однако разобщенные восточные славяне, живущие наособицу, под ударами жестокого врага стали собираться воедино. Отражать набеги свеев в одиночку, силой одного рода было невозможно — выстави он хоть сотню ополченцев, как отбиться от двух, а когда и трех сотен разбойников, внезапно налетающих с реки?!

Конечно, кто-то успел возвести вокруг своего поселения крепкий тын-острог или вал с деревянным палисадом. И штурмовать такие укрепления похода свои не пытались... Но жить в постоянном страхе набега невозможно. Сегодня чужаки проплывут мимо — а завтра нападут на землепашцев, не успевших бежать в крепость, на женщин, выведших скотину на водопой... На детей, отправленных в ближний лес за ягодами да грибами под присмотром лишь пары отроков!

А раз предугадать удары и вовремя отразить набеги свеев было невозможно, то словене, кривичи и местная чужь пришли к единственному правильному решению — собраться воедино и выставить в поле такую рать, что задавит врага числом, несмотря на все ратное умение поднаторевших в разбое чужаков. Также славяне поняли и другое: чтобы победить свеев и ударить «кулаком», а не «растопыренными

пальцами», нужно подчиниться кому-то одному. Военному вождю, чье право вести в бой все войско никто оспаривать не станет...

Вот этим вождем и стал Гостомысл, сын сгинувшего Буриvoja. Имея под рукой могучую рать раз в три, а то и в четыре превосходящую ватаги свеев, он отбил Ладогу у чужаков и захватил уже отстроенные ими поселения, а заодно завел на побережье сторожи из местной чуди.

Однако же вырвав из рук разбойников стольный град отца, Гостомысл отчетливо понял, что из-за моря в любой момент явится новое вражеское войско — даже большее, чем билось на Кюмени. И в этом смысле Ладога была чересчур уязвима для нападения свеев, следующих из Варяжского моря короткой рекой, соединяющей его с озером Нево... Поразмыслив, Гостомысл заложил Новый город у истока реки Волхов, у самого озера Ильменя. В свое время sweи облюбовали один из здешних островов, защищенный рекой от внезапного удара, основали на нем разбойничье гнездо — в самом сердце земли словен!

Но Гостомысл быстро понял, что, имея связь по Волхову с Ладогой (а там и с Варяжским морем через Нево), Новгород в то же время достаточно удален от побережья, чтобы не бояться внезапного удара врага. И это, в свою очередь, позволит вождю собрать ополчение окрестных земель прежде, чем sweи доберутся до стольного града.

Да, возвысился Гостомысл, собрав под рукой все племена, давшие ему воинов — и больше из своей руки он их уже не выпускал! Лучшие ратники от каждого рода собрались в Новгороде — а их вождь торжественно принял высокий титул кагана... Годолюбу совершенно незнакомый — а потому он привычно величает тестя князем. Но восточные славяне, живущие у степного порубежья, сей титул хорошо знают — он им знаком по Аварскому (ныне разбитому Карлом Великим) и Хазарскому каганатам, также терзающим сородичей набегами...

Ныне Гостомысл давно уже немолод — а свой род он продолжил, зачав четверых сыновей и трех дочерей. Вот только и угроза вторжения свеев никуда не делась... Однажды захватив Альдейгьюборг, они считают Ладогу и окрестные земли своей собственностью, уже дважды повторив большие походы — и без счета мелких набегов. Гостомысл покуда держится, ильменские словене раз за разом отбрасывают чужаков — но старший сын кагана пал в бою, а самый младший сгинул от детской хвори... Как и одна из дочерей — а вот двух других, доживших до совершеннолетия, Гостомысл постарался выдать замуж.

Причем так, чтобы брачные союзы породили союзы военные... Вот Умила и стала супругой Годолюба, младшего брата верховного князя Дращко — и вождя бодричей, возглавившего весь союз ободритов!